

Гендерные представления девушек, увлекающихся метажанром «Boy's Love»

Воронцов Д.В.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ),

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7725-8929>, e-mail: dmvorontsov@sfnedu.ru

Цель. Определить характер связи между увлечением поклонниц метажанра «Boys' Love» (BL, «яой») визуальными репрезентациями мужских гомосексуальных отношений и содержанием их гендерных представлений.

Контекст и актуальность. В настоящее время в подростковых виртуальных субкультурах по всему миру отмечается широкий интерес к комиксам манга. Манга имеет огромное разнообразие стилей, жанров и целевых аудиторий. Однако среди гетеросексуальных девушек подросткового и юношеского возраста нередко обнаруживается устойчивый интерес к рисункам с гомосексуальным содержанием и мужскими персонажами андрогинного внешнего облика (метажанр BL). Для адекватного понимания причин такого увлечения необходимо охарактеризовать особенности идеальных гендерных представлений (идеологии) поклонниц этого метажанра манга.

Дизайн исследования. Опрос подписчиц пабликов BL в социальных медиа. Для выявления специфики гендерных представлений поклонниц метажанра BL использовалась контрольная группа поклонниц других метажанров манга, знающих о метажанре BL, но осознанно отвергающих его. Значимость различий определялась с помощью критерия Фишера, критерия Манна-Уитни, критерия согласия Пирсона χ^2 .

Участники. Российская выборка: 140 респондентов женского пола от 11 до 45 лет ($M=17,95$; $SD=4,84$). Основная группа – 90 человек 11–45 лет ($M=18,88$; $SD=5,22$). Контрольная группа – 50 человек 12–27 лет ($M=16,79$; $SD=3,10$).

Методы (инструменты). Анкета для определения социально-демографических характеристик выборки. Авторский опросник для определения социально-психологических эффектов визуальных образов. Опросник на выявление приверженности маскулинной идеологии (Дж. Плек, Ф. Зоненштейн, Л. Ку). Опросник «Гендерные характеристики личности» для выявления нормативных гендерных представлений, гендерных стереотипов и предубеждений (И.С. Клещина). Психосемантическая модификация опросника «МиФ» (маскулинность и фемининность) (Т.А. Бессонова) в адаптации Н.В. Дворянчикова для выявления индивидуальных конструктов фемининности.

Результаты. В гендерной идеологии поклонниц BL отражается ненормативное сочетание гендерных характеристик и особая смысловая интерпретация ими фемининности. Они чаще описывают фемининность с использованием черт, которые считаются маскулинными в консервативной гендерной идеологии. Важным отличием их представлений выступает низкая выраженность гендерной поляризации. Гендерная идентичность поклонниц BL соответствует неортогональной модели. Ядро гендерной идентичности всех людей должны, по их мнению, составлять гендерно-нейтральные качества. В гомоэротических комиксах всех респондентов привлекает изображение мужской эмоциональности. Однако поклонницы BL в меньшей мере склонны воспринимать мужчин в свете идеалов нормативной (гегемонной) маскулинности.

Основные выводы. Интерес гетеросексуальных девушек к BL базируется на возможности осмысления в вымышленной реальности собственной гендерной ненормативности, способности метажанра BL адекватно раскрывать индивидуально значимые смыслы и обеспечивать социальное подтверждение и устойчивость новых гендерных практик.

Ключевые слова: гендерные представления, гендерная идентичность, фемининность, гомосексуальная маскулинность, гомоэротика, яой.

Благодарности. Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования выпускницу магистратуры «Психология» 2018 года И.А. Баранишину.

Для цитаты: Воронцов Д.В. Гендерные представления девушек, увлекающихся метажанром «Boy's Love» // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 124–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130408>

Gender Representations of Young Female “Boy’s Love” Fans

Dmitry V. Vorontsov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7725-8929>, e-mail: dmvorontsov@sfnedu.ru

Objective. To describe the relations between liking visual representations of male same-sex romance and gender representations of young female fans of BL.

Background. Nowadays there is a globally spread interest in manga among teenagers. Manga has a vast diversity of styles, genres, and followers. Nevertheless, some heterosexual girls quite often demonstrate stable interest in the manga sub-genre focusing on homoerotic relationships between young – and frequently androgynous – male characters. This research has addressed an issue whether heterosexual girls’ liking for visual representations of male homosexuality in Boy’s Love (BL) comics relates to their gender representations.

Study design. The survey among the members of the Internet Social Media Manga Publics included: description of socio-psychological effects of viewing BL pictures, scaling attitudes towards masculinity ideology, exploration of gender role beliefs and description of femininity concepts. Comparison of the data between BL fans and other members of Manga Publics being acquainted with Boys’ Love, but deliberately neglecting it. Mann – Whitney U test, Fisher F test, and Pearson’s chi-squared test are used.

Participants. Russian sample: 140 female respondents 11–45 years old ($M=17,95$; $SD=4,84$). Main group consists of 90 respondents 11–45 years old ($M=18,88$; $SD=5,22$). Control group consists of 50 respondents 12–27 years old ($M=16,79$; $SD=3,10$).

Measurements. Questionnaire of socio-demographic characteristics. Author’s scale of socio-psychological effects of visual representations. Masculinity Ideology in Relationships Scale by J.H. Pleck, F.L. Sonenstein, L.C. Ku. Gendered Personality Characteristics (I.S. Klyotsina). Masculinity and Femininity Questionnaire by T.A. Bessonova – psycho-semantic version by N.V. Dvoryanchikov for examining individual femininity constructs.

Results. Girls that fond of homoerotic drawn fictions prefer non-normative gendered traits combinations and give specific interpretation of their femininity. BL followers significantly often describe their femininity with traditionally masculine traits. Gender polarization is weak. Gender identity of female BL fans comply with non-orthogonal conceptualization. They believe that core of gender identity in every human being should consist of gender-neutral characteristics. Male emotionality, represented in homoerotic drawings, arrests attention of all respondents. But BL fans are less likely to perceive men in the light of normative (hegemonic) masculinity.

Conclusions. *Straight girls' enthusiasm for BL is grounded in the possibility of apprehending their gender non-normativity/non-conformity within a fictional reality, and in BL manga meta-genre capability to display adequately significant aspects of new non-normative gender practices and ensure their social affirmation.*

Keywords: *gender representations, gender identity, femininity, gay masculinity, male homoerotic, boy's love.*

Acknowledgements. The author is grateful for assistance in data collection to I.A. Baranishina, MA graduate 2018 in Psychology, SfedU.

For citation: Vorontsov D.V. Gender Representations of Young Female “Boy’s Love” Fans. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2022. Vol. 13, no. 4, pp. 124–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130408> (In Russ.).

Введение

В настоящее время в подростковых виртуальных субкультурах по всему миру отмечается широкий интерес к такой разновидности японской массовой развлекательной культуры, как комиксы манга. Под комиксами принято понимать серийные рисунки на определенную тему, которые объединены в единую сюжетную линию и нацелены на формирование у зрителя эстетического отклика [5]. Аутентичные для японской культуры работы в стиле манга имеют не так много общего с изображениями, которые именуются мангой в современной массовой культуре — как японской, так и глобальной. Сегодняшняя манга — это не просто техника живописи, отражающая буддийские представления о мироздании и особенности восприятия реальности человеком в рамках буддийской культуры, а восточная версия западного феномена визуальной массовой культуры — комикса (англ. *comic* — смешной, *strip* — комбинация сюжетных эпизодов), развлекательного повествования в картинках о жизни культовых героев. Манга имеет огромное разнообразие стилей, жанров и целевых аудиторий. Однако среди девушек подросткового и юношеского возраста нередко возникает

устойчивый интерес к особой разновидности комиксов в стиле манга, в которой основная любовная линия, включающая как романтические, так и сексуальные отношения, разворачивается между молодыми мужчинами, имеющими андрогинный внешний облик.

Возрастание интереса женской аудитории к потреблению масс-культурных объектов искусства, повествующих о романтических и сексуальных отношениях между мужчинами, начало фиксироваться в 1970-е годы. Именно в это время в англоязычных странах Запады появляется *slash fan fiction* — особый эротический жанр любительского творчества (в то время преимущественно литературный), созданный взрослыми гетеросексуальными женщинами и ориентированный на женскую аудиторию. В этом жанре акцент делается именно на романтических и сексуальных отношениях между мужскими персонажами. Термин «слэш» (косая черта) в главном значении призван символизировать тайный парный и «перевернутый» по отношению к исходному сюжету характер связи двух персонажей. Однако один из семантических пластов, заключенных в названии жанра (англ. *slash* — резкий удар с плеча, наотмашь), отсылает к тому, что этот вид

творчества особым образом бросает вызов нормативным конструктам гендера и сексуальности. Художественное произведение наносит «удар с плеча» по патриархатным установкам посредством представления в качестве гомосексуалов мужских персонажей из масс-культовых произведений, которые в оригинальных продуктах изображались носителями гегемонной маскулинности (например, Капитан Кирк и Первый офицер Спок из телесериала «Звездный путь»/«Star Track»). В этом значении *Slash fan fiction* можно трактовать в качестве проактивного феминистски ориентированного «перепрочтения» медийных текстов, а сам жанр — местом сопротивления консервативной гендерной идеологии, обсуждения и принятия собственных нерелигиозных желаний [15].

В Японии примерно в это же время в рамках комиксов, выполненных в технике манга, возникает ориентированный на женщин жанр *shonen-ai*, в котором тоже изображаются любовные отношения двух молодых мужчин, но без откровенного сексуального компонента. В 1980-е годы на основе *shonen-ai* появилось массовое производство одновременно коммерческой и любительской версии уже эротических произведений в формате манги, которая получила название *yaoi* (или *BL* — *Boy's Love*). Сегодня термин «BL»/«яой» стал зонтичным для японского (и вдохновленного им) метажанра искусства для женщин, в котором изображаются романтические и сексуальные отношения между мужчинами. Феминистский посыл в BL присутствует, хотя и в восточном варианте. Изображения мужской гомосексуальности здесь тоже выступают оппозицией мачистской гетеросексуальности и гегемонной маскулинности, а гомосексуальные отношения главных героев (как и кошачьи хвосты у

мужчин в других версиях манги) служат цели феминизации и лишения оснований для занятия властной позиции в системе гендерных отношений [16].

Хотя появление слэш и BL было определенным образом связано с функционированием феминистских идей в обществе, их сложно называть феноменами визуальной культуры с открытой феминистской идеологией. Согласно концепции «многоместной» (мультилокальной) этнографии (*multisited ethnography*) Дж. Маркуса [17], яой как продукт постсовременной культуры вообще может не иметь фиксированного значения или содержания, поскольку в нем пересекается локальное и глобальное. К BL как продукту японской массовой культуры в разных культурных пространствах не только «добавляются» новые компоненты, но происходит и привнесение других смыслов и значений при сохранении базовой визуальной формы. Однако социально-психологическая функция BL, лежащая в основе устойчивого интереса гетеросексуальных женщин к комиксам, эксплуатирующим мужскую гомосексуальность, скорее всего, остается инвариантной. Тексты и картинки, изображающие молодых людей, которые состоят между собой в романтических и сексуальных отношениях, обладают перформативной силой и выступают средством формирования и выражения особой гендерной идентичности. Они представляют собой гиперреальность в понимании Ж. Бодрийяра — симуляцию реальности, которой объективно не существует в том виде, в каком она представляется; симуляцию, которая замещает реальность символической моделью, воспринимаемой более реальной, нежели сама жизнь [8]. Как отмечает У. Эко, симулякр в гиперреальности не просто замещает оригинал и становится знаком с иным зна-

чением, а превращается в новый и более совершенный знак, который оказывается предпочтительным по отношению к оригиналу [12]. В гиперреальности сексуальные и романтические чувства мужских персонажей друг к другу — не та гомосексуальность, которая есть в реальном мире, а эстетическая галлюцинация, в которой гомосексуальность репрезентирует некоторую иную, более совершенную с точки зрения любителей ВЛ систему гендерных отношений.

Согласно концепции Л. Малви [6], удовольствие, которое гетеросексуальные женщины получают от разглядывания рисованных историй мужских гомосексуальных отношений, базируется на символическом узнавании своей собственной субъективности при одновременном восприятии мужских персонажей в качестве носителей более совершенной маскулинности. В то же время структура комикса производит скопофильский эффект получения эротически окрашенного удовольствия стороннего наблюдателя, возникающего в результате подглядывания не просто за чужой личной жизнью, но интимной жизнью мужчин. Существенным элементом выступает восприятие истории сквозь призму идеального гендерного «Я» девушек. При этом в соответствии с лакановской концепцией личности, которая в своем развитии проходит «зеркальную» стадию узнавания себя во внешнем образе, эксплицитное гомоэротическое содержание комикса вытесняется на периферию сознания зрительниц, поскольку нарциссизм и скопофилия безразличны к воспринимаемой реальности.

Эти психологические процессы в условиях российских реалий разворачиваются на фоне государственной политики неоконсерватизма, санкционирующей ценность гендерного диспаритета. Ге-

теросексуальная матрица жесткого разделения «мужской» и «женской» роли, господствующая в неоконсервативном культурном пространстве, может становиться препятствием для получения женщинами, мыслящими в качественно других кодах восприятия гендера, идентичности и сексуальности, визуального удовольствия от восприятия нормативных визуальных объектов. Следовательно, именно усиление неоконсерватизма в политике может провоцировать рост интереса к ВЛ у молодых женщин, ориентирующихся на либеральный полюс гендерной идеологии.

Социально-психологическое содержание понятия гендерной идеологии, сформулированное Р. Калином и П. Тилби, раскрывается в системе личных убеждений (мнения) о том, как подобает вести себя мужчине или женщине в различных сферах социального взаимодействия: отношения на работе; родительские отношения (за что должны нести ответственность мужчины, а за что — женщины); межличностные отношения, включая дружбу, ухаживания и сексуальные отношения; особые «женские» обязанности, лежащие в основе представлений о фемининности и женском самоопределении; а также убеждения, характеризующие отношение к материнству, абортам и гомосексуальности [13]. По сути, гендерная идеология представляет собой нормативную версию системы гендерных представлений личности. В качестве разновидности системы гендерных представлений гендерная идеология может оказывать влияние на мотивы установления и характер межличностных отношений, предпочитаемые модели социального взаимодействия и, по-видимому, на предпочтения в выборе партнеров по межличностному взаимодействию, поскольку она тесно связана с системой

ценностных ориентаций людей. По мнению М.О. Мдивани и Э.В. Лидской, гендерная идеология является когнитивным компонентом гендерных стереотипов [7]. Гендерные стереотипы можно рассматривать в качестве схематизированных, обобщенных образов мужчин и женщин [10]. А согласно взглядам С. Бем, под гендерной схематизацией следует понимать готовность видеть реальность в качестве разделенной на поляризованные категории — маскулинность и фемининность [1]. Как поясняет С. Бем, гендерная схематизация представляет собой наложение основанной на гендере классификации на социальную реальность, группы людей, черты личности, типы поведения; а гендерная классификация основана исключительно на культурных дефинициях маскулинного и фемининного [1, с. 178]. Говоря о маскулинности и фемининности, мы чаще имеем в виду превалирующие культурные дефиниции, тогда как в текущем социально-историческом контексте уже нет тотального воспроизводства преобладающих дихотомических определений, в социальном пространстве отражаются и свободно обращаются наряду с доминирующими и маргинальные гендерные дефиниции. Согласно концепции гендерной схемы С. Бем, маскулинность и фемининность — это не имманентные психологические качества, не центральные измерения личности (как следовало из психологического определения этих феноменов Л. Терманом и К. Майлз в 1936 г.), а культурные определения, внедренные в дискурс и представления людей о том, что значит быть мужчиной или женщиной, которым люди просто следуют на свой страх и риск. И в качестве таких представлений гендерные категории маскулинности и фемининности являются не более чем линзами

социального восприятия, определяющими взгляд людей на себя и окружающих. При таком понимании базовых гендерных категорий особым образом следует понимать и феномен гендерной идентичности — как соотносительности индивида с теми или иными гендерными представлениями, функционирующими либо в господствующей (нормативной) культуре, либо в той или иной субкультуре, которая может быть как ненормативной, так и комплицитарной по отношению к господствующей культуре.

Исследовательским вопросом выступает выяснение того, как увлечение молодых фанатов метажанра «Boy's Love» («яой») визуальными репрезентациями мужских гомосексуальных отношений опосредуется их субъективными гендерными представлениями. Психологический анализ интереса гетеросексуальных женщин к визуальным изображениям мужских романтических отношений с выраженным гомосексуальным подтекстом редко производится с применением современных концепций гендерной идентичности и соответствующих им методов психосемантической реконструкции субъективных гендерных представлений. Тогда как для понимания ненормативных социальных практик необходимо адекватно характеризовать субъективность людей, мыслящих в качестве других кодах восприятия гендера, идентичности и сексуальности.

На основе проведенного обзора литературы складывается следующая теоретическая модель, объясняющая увлечение гетеросексуальных девушек мужским гомоэротическим субжанром манги. Мужская гомосексуальность с точки зрения консервативной гендерной идеологии является серьезным вызовом канону нормативной (гегемонной) маскулинности, публичная демонстрация

в позитивном ключе и потребление художественных изображений, позитивно представляющих открытую гомосексуальность персонажей, сами по себе являются актом сопротивления консервативной гендерной идеологии и вызовом по отношению к ее господствующему статусу в системе институционализованных ценностей гендерного порядка в обществе. Следовательно, предпочтение субжанра BL должно быть связано с содержанием гендерной идеологии его поклонниц, уровнем их приверженности маскулинной идеологии и нормативным гендерным убеждениям. Поскольку содержание гендерной идеологии отражает смыслы, вкладываемые девушками в определенные гендерно маркированные личностные характеристики, именно смысловая нагруженность таких характеристик задает фокус социального восприятия изображений мужской гомоэротики. Придание определенным личностным и поведенческим характеристикам особого гендерного смысла в системе межличностных отношений приводит к специфическому восприятию изображений мужской гомоэротики и проекции этих смыслов в виде желаний, мыслей, чувств, эмоциональных реакций на воспринимаемый визуальный культурный объект, а также к получению визуального удовольствия.

В качестве гипотез исследования выдвигаются предположения о том, что девушки, увлекающиеся метажанром BL, могут отличаться от остальных поклонниц комиксов манга: 1) эффектами социального восприятия, касающимися получения удовольствия от просмотра гомоэротических изображений; 2) особым сочетанием консервативных и эгалитарных элементов гендерной идеологии (структурой предписывающих гендерных представлений), что находит

отражение в разных по своим характеристикам идеальных (желательных) образах маскулинности партнеров-мужчин и собственной фемининности; 3) разной степенью выраженности гендерной поляризации в системе гендерных представлений девушек о себе и о партнерах-мужчинах.

Метод

Схема проведения исследования.

Исследование проводилось среди подписчиц русскоязычных пабликов «Яойчик», «Голубая редакция, yaoi manga, яойная манга, яой», «Аниме романтика» и « Манга романтика сёдзё • •» в социальном медиа «ВКонтакте». В перечисленных пабликах была распространена интернет-ссылка на опросник, размещенный на платформе Google Forms. В преамбуле опросника было указано, что исследование проводится исключительно среди женщин, увлекающихся различными жанрами аниме и манги, с целью составить их психологический портрет в рамках выполнения научно-исследовательской работы уровня магистратуры. Респонденты имели возможность прервать исследование на любом этапе, если у них возникнут неприятные чувства в ходе ответов на задаваемые вопросы. Исследование можно было пройти только один раз от начала до конца без ограничения по времени, но без возможности выйти из формы опросника, чтобы вернуться после перерыва. После завершения процедуры опроса необходимо было его финализировать, нажав кнопку «Отправить». Нефинализованные опросники не сохранялись и не включались в исследование.

Выборка исследования. На предложение пройти опрос откликнулись 335 участниц пабликов, объединяющих любителей аниме и манги. В исследовательскую выборку были отобраны 140 ан-

кет респондентов, которые оказались знакомы с метажанром «Boy's Love», и чьи анкеты содержали полностью заполненные формы опросников. Возраст отобранных респондентов находится в интервале 11–45 лет ($M=17,95$; $SD=4,84$), в возрастной структуре выборки 70% респонденток оказались в возрастном интервале 14–19 лет ($M_0=16$). Основную группу составили 90 анкет респонденток, которые сообщили о позитивном отношении и активном интересе к регулярному потреблению визуальных образов метажанра «Boy's Love». Возраст респонденток основной группы находится в интервале 11–45 лет ($M=18,88$; $SD=5,22$), в возрастной структуре основной группы 62,6% респонденток оказались в возрастном интервале 15–19 лет ($M_0=18$). Контрольная группа была сформирована из анкет участниц, которые знают о существовании субжанра BL, однако сознательно исключают потребление такой разновидности аниме и манги из сферы своих интересов. Такой критерий для формирования контрольной группы обоснован тем, что нас интересовали характеристики гендерных представлений девушек, опосредующих их предпочтение мужского гомоэротического субжанра из всего спектра типов, представленных в жанре манга. Гомоэротический субжанр BL является всего лишь разновидностью манги, с которым тем или иным образом сталкиваются все поклонники этого жанра комиксов. Тем не менее часть гетеросексуальных девушек формирует отдельную субкультурную группу поклонников преимущественно субжанра BL внутри широкого и разнообразного сообщества манги. Возраст респонденток контрольной группы находится в интервале 12–27 лет ($M=16,79$; $SD=3,1$), в возрастной структуре контрольной группы 73,2% респонденток оказались в возрастном интервале 14–17 лет ($M_0=16$). Со-

гласно имеющимся социологическим исследованиям сообществ любителей аниме и манги, значительная часть поклонниц метажанра BL в российских виртуальных сообществах имеет возраст в диапазоне 9–16 лет [8].

Методы исследования. Опросник, направленный на определение социально-демографических характеристик (возраст, гендерная идентичность, включая сексуальные предпочтения и оценку соответствия внешнего облика нормативным гендерным ожиданиям, размер поселения, в котором выросли респонденты, конфессиональная принадлежность и степень религиозности, уровень образования, наличие опыта романтических отношений). Полученная посредством этого опросника информация позволяет определить границы социальной группы, на которую могут быть распространены полученные результаты. Авторский опросник для выявления социально-психологических эффектов визуальных изображений мужских романтических и гомосексуальных практик, связанных с получением респондентами удовольствия от просмотра гомоэротических изображений («Какие мысли, желания, чувства вызывают у Вас изображения? Какими особенностями изображений эти мысли, желания, чувства провоцируются? На что Вы обращаете внимание в первую очередь? Что Вам кажется наиболее привлекательным и что отталкивающим? Какого рода удовольствие Вы получаете от просмотра?). Самоотчеты о базовых гендерных характеристиках системы отношений личности, полученные с помощью психосемантической модификации методики «МиФ» (маскулинность и фемининность) Т.А. Бессоновой в адаптации Н.В. Дворянчикова [3]. Опросник Дж. Плека, Ф. Зоненштейн, Л. Ку, выявляющий уровень приверженности маскулинной идеологии [19]. Этот

опросник использовался в оригинальной версии, переведенной на русский язык автором. Опросник И.С. Клёциной «Гендерные характеристики личности» для оценки приверженности нормативным гендерным убеждениям [2]. Поскольку гендерная идеология, согласно Р. Калину, имеет отношение к тому, что ее носитель считает нормативным для проявлений мужского или женского в человеке, мы полагаем, что опросник И.С. Клёциной содержательно расширяет данные опросника Дж. Плека и соавторов, касающиеся структуры гендерной идеологии. Значимость различий в содержании гендерных представлений определялась с помощью критерия Фишера, критерия Манна-Уитни, критерия согласия Пирсона χ^2 .

Результаты

Для того, чтобы понимать, с какой социальной группой могут быть со-

отнесены результаты и выводы исследования, а также для понимания социального контекста, в котором формируется увлечение гомоэротикой, была получена максимально широкая информация о социально-демографических признаках участниц исследования. Респондентки выборки представляют широкий спектр поселений размером от менее 10 тысяч человек до более трех миллионов, демонстрируя, что интерес к метажанру BL не является феноменом исключительно крупных и крупнейших городов (см. рисунок). Учитывая, что на объем и содержание гендерных представлений оказывает влияние социальный контекст, в котором происходит первичная гендерная социализация, респонденток просили ответить на вопрос «В какой местности Вы выросли?» вместо вопроса «В какой местности Вы проживаете?».

Рис. Структура выборки по месту первичной социализации респондентов

Сравнительный анализ выборки по социальным характеристикам показал, что среди фанаток комиксов BL значимо преобладает удельный вес респонденток, которые имели в прошлом опыт романтических отношений («встречались»), но в настоящее время не состоят ни с кем в отношениях ($\Phi=4,8$; $p<0,01$). В контрольной группе значимо преобладает удельный вес респонденток, которые еще не имеют опыта романтических отношений ($\Phi=6,3$; $p<0,01$). Средний возраст респонденток основной группы на год старше, чем в контрольной группе (17 лет против 16 лет), что указывает на тенденцию повышения интереса к комиксам BL с накоплением опыта реальных романтических отношений, обусловленного взрослением девушек. В контрольной группе также больше респонденток, отмечающих приверженность православной религиозной идеологии (44% против 28% в основной группе, $\Phi=7,1$; $p<0,01$), что указывает на их вероятно более высокую восприимчивость влиянию государственной политики неоконсерватизма. На это указывает и низкий средний уровень оценки собственной религиозности респондентками контрольной группы ($M=2,397$; $SD=1,96$) с использованием 7-балльной шкалы Лайкерта в диапазоне от «Совершенно нерелигиозная» до «Очень религиозная». Максимальный балл при оценке собственной религиозности ни в одном случае не превышал пяти (в 30% отметивших приверженность православной религии), и в 60% случаев отметившие приверженность православной религии отмечали уровень своей религиозности в диапазоне 1–3 балла. Другими словами, респондентки контрольной группы заявляют о своей приверженности поддерживаемой государством религии, однако эта приверженность носит по большей части декларативный характер и скорее свиде-

тельствует о стремлении демонстрировать «правильный» характер взглядов.

В отношении первой гипотезы о том, что девушки, увлекающиеся метажанром BL, могут отличаться от остальных поклонниц комиксов манга эффектами социального восприятия, касающимися получения удовольствия от просмотра гомозеротических изображений, получены следующие данные.

В группе активных поклонниц изображений «Boy's Love» преобладающим (63%) эффектом восприятия визуальных образов мужских гомосексуальных отношений оказались эстетические, романтические чувства и сексуальное возбуждение («красивые мужские фигуры», «завораживают», «чувственные», «вызывают желание», «нежность»). Наибольшее внимание привлекают изображение мужской эмоциональности и сюжетная любовная линия. Одновременно с этим у фанаток BL довольно часто (41%) критику и раздражение вызывает андрогинность гомосексуальных персонажей («слащавость», «плаксивость», «женственность», «бабство — когда персонаж очень похож на девочку»).

В группе фанаток манги, которые не включают в сферу своих интересов изображения «Boy's Love», лишь около половины (41%) определили свое отношение к таким комиксам в отрицательном спектре (20% из всей контрольной группы отметили крайне отрицательное отношение). Треть респонденток контрольной группы определили свое отношение как нейтральное и четверть — в положительном спектре. При восприятии визуальных образов мужских гомосексуальных отношений в контрольной группе преобладающими реакциями отмечаются безразличие (53%) и недоумение, растерянность (26%). Половина респонденток при случайном столкнове-

нии с изображениями «Boy's Love» заинтересовались или обратили бы внимание на проявления эмоциональности персонажей, изображения «красивых мужчин» и сюжетную линию («повествование о настоящей любви»). При этом 69% респонденток контрольной группы при случайном просмотре стараются игнорировать то обстоятельство, что отношения и сексуальные сцены в комиксе разворачиваются между мужчинами. Наибольшее неприятие в контрольной группе вызывают именно сексуальные сцены (49% негативных оценок). Полученные данные указывают на то, что при различном отношении к комиксам, изображающим гомоэротические отношения между андрогинными юношами, все респондентки выборки в одинаковой мере обращают внимание при их просмотре на эмоциональную сторону таких отношений. При этом у фанаток яой в большей мере проявляется идентификационный механизм визуального удовольствия, парадоксальным образом выражающийся в раздражении андрогинным внешним обликом юношей, а у фанаток манги с негомосексуальным содержанием при просмотре яой срабатывает механизм вытеснения

гомосексуальной подоплеку отношений между мужскими персонажами.

Для проверки гипотезы о том, что девушки, увлекающиеся метажанром BL, могут отличаться от остальных поклонниц комиксов манга особым сочетанием консервативных и эгалитарных элементов гендерной идеологии (структурой предписывающих гендерных представлений), были объединены данные, полученные с помощью опросников «Приверженность маскулинной идеологии» Дж. Плека и «Гендерные характеристики личности» И.С. Клёдиной. Структура гендерных представлений респонденток выборки, отражающих приверженность консервативным и эгалитарным гендерным убеждениям (идеологиям), представлена в таблице.

Сравнение содержания гендерных представлений участниц исследования с помощью критерия Манна-Уитни показало, что фанатки метажанра «Boy's Love» в значимо большей мере не испытывают симпатий к ценностям нормативной (гегемонной) маскулинности по сравнению с респондентками контрольной группы ($Z=1,498$; $p=0,034$). Иначе говоря, они в меньшей мере склонны воспринимать мужчин сквозь призму нормативной ма-

Таблица

Приверженность консервативным и эгалитарным гендерным убеждениям

№	Структура гендерных представлений	Средние значения баллов		Статистика Z U-теста Манна-Уитни	Уровень значимости различий (p-value)
		Основная группа	Контрольная группа		
1	2	3	4	5	6
1	Маскулинная идеология	100,945	89,845	1,498	0,034
2	Эгалитарные представления	25,571	24,069	0,128	0,898
3	Консервативные представления	5,319	5,155	0,013	0,998
4	Гендерные стереотипы	7,116	6,552	1,068	0,286
5	Отсутствие стереотипов	13,703	14,345	-0,577	0,564
6	Гендерные предубеждения	1,973	2,172	-0,553	0,580

скулинности. В то же время с помощью другой статистической процедуры — критерия согласия Пирсона Хи-квадрат — было обнаружено, что девушки во всей выборке, если вопросы затрагивают их собственную личность и гендерные установки, в одинаковой мере склонны придерживаться эгалитарных взглядов ($\chi^2=17,4$; $p=0,57$), демонстрируют низкий уровень приверженности гендерным стереотипам ($\chi^2=10,9$; $p=0,89$) и гендерным предубеждениям ($\chi^2=1,97$; $p=0,92$).

Для проверки гипотезы о том, что девушки, увлекающиеся метажанром BL, могут отличаться от остальных поклонниц комиксов манга разной степенью выраженности гендерной поляризации в системе гендерных представлений девушек о себе и о партнерах-мужчинах, через определение статистики Z U-теста Манна-Уитни было проведено сравнение психосемантических конструкторов респонденток выборки, выявленных с помощью методики «МиФ» в адаптации Н.В. Дворянчикова. Что касается оценок респондентками выраженности у себя характеристик, которые имеют в социальных представлениях определенную гендерную маркированность, то у фанаток метажанра «Boy's Love» отмечается значимое смещение в приписывании себе таких характеристик, которые ожидаются обществом для проявления мужчинами ($Z= -2,063$; $p=0,039$). Причем эти характеристики рассматриваются респондентками в качестве компонентов индивидуального конструкта женственности. В идеальном образе мужчины и женщины фанатки метажанра «Boy's Love» выделяют, прежде всего, наличие таких характеристик, которые в социальных представлениях маркируются в качестве гендерно-нейтральных.

Вопросы включали оценку респондентками собственного гендерного дис-

плея в контексте общения в обществе мужчин или женщин. Приверженцы метажанра BL отметили у себя стремление проявлять в общении с людьми вне зависимости от круга общения качества, которые в традиционалистской культуре считаются мужскими. Подобного рода проявления отражают неортогональную модель гендерной идентичности респонденток основной группы, в рамках которой качества личности и поведения распределяются не по полюсам маскулинности/фемининности, а по оценочным полюсам отношения к тому или иному качеству. Ведь в условиях андроцентричной культуры положительная оценка неизменно приписывается именно маскулинным качествам. У респонденток контрольной группы при общении с мужчинами проявляется явное следование модели гендерной поляризации, тогда как в кругу женщин они вообще не фокусируются на проявлении определенных качеств.

Также респонденткам были предложены вопросы, предполагающие оценку мужчин в качестве партнеров по общению. Для любительниц BL в большей мере неприемлемы ценности маскулинности, которая акцентирована на силе, доминировании, подчеркивании интеллектуального превосходства и эмоциональной твердости мужчин, избегающих всего, что может считаться «женским». Однако в качестве идеального сексуального партнера они чаще видят человека, обладающего выраженными чертами, которыми в традиционалистской идеологии характеризуется «настоящий» мужчина ($Z= -4,363$; $p<0,00$). Тогда как респондентки контрольной группы, напротив, значимо чаще хотят видеть в сексуальном партнере такие качества, которые в традиционалистской культуре считаются фемининными ($Z= -2,034$; $p<0,015$).

Обсуждение результатов

В проведенном исследовании был определен характер связи между увлечением поклонниц метажанра «Boy's Love» (BL, «яой») визуальными репрезентациями мужских гомосексуальных отношений и содержанием представлений о фемининности у таких респонденток. В индивидуальных гендерных представлениях фанаток метажанра «Boy's Love» выявлены ненормативное сочетание гендерных характеристик и особая смысловая интерпретация собственной фемининности. Гендерный образ «Я» у поклонниц этого метажанра представлен преимущественно гендерно-нейтральными качествами, которые образуют ядро гендерной идентичности по всем шкалам: «Я-реальное», «Я-идеальное», «гендерное поведение», «ожидаемые от партнеров проявления маскулинности и фемининности», «гендерные качества идеального сексуального партнера». Для них предпочтительными выступают маскулинные качества, что соответствует неортогональной модели гендерной идентичности, которая в рамках андроцентричной культуры приписывает маскулинности положительный полюс, а фемининности — отрицательный. Важным отличием конструкта фемининности у фанаток метажанра «Boy's Love» также выступает низкая выраженность гендерной поляризации. Учитывая то обстоятельство, что среди фанаток комиксов BL преобладают респондентки, у которых был опыт гетеросексуальных романтических отношений, однако в текущем моменте времени они не состоят в каких-либо устойчивых партнерствах, с учетом психологических механизмов получения визуального удовольствия, описанных Л. Малви, можно говорить о том, что просмотр изображений с гомосексуальным содержанием выполняет иллюзорное удовлетворение, компенсирующее отсут-

ствие в реальном окружении девушек гетеросексуальных партнеров, которые резонируют с ненормативным содержанием их гендерных представлений, прежде всего, о собственной фемининности. И накапливающийся опыт такой «тоски» по идеальному гетеросексуальному партнеру отражается в более длинном возрастном интервале, свойственном виртуальным сообществам метажанра BL при сравнении с основной возрастной категорией других метажанров манга (контрольная группа в настоящем исследовании). В целом по выборке отмечается общий сдвиг в гендерных ожиданиях девушек в сторону проявления гетеросексуальными партнерами большей эмоциональности, чувственности, нежности при сохранении ими базовых характеристик нормативной мужественности. Также по всей выборке отмечается предпочтение эгалитарной, а не консервативной гендерной идеологии, если речь идет не об институциональных гендерных ожиданиях по отношению к женщинам, а о собственном образе фемининности. Это обстоятельство указывает на усиливающийся разрыв между институциональными гендерными ожиданиями и гендерными представлениями на индивидуальном и групповом уровне в повседневной жизни молодых женщин, увлекающихся искусством манги.

Полученные на российской выборке эмпирические данные, обсуждаемые в этой статье, согласуются с другими исследованиями, посвященными увлечению женщин мужской гомоэротикой. В имеющемся корпусе исследований феномена BL как гомоэротики, ориентированной на просмотр женщинами, отмечается функционирование этого жанра в качестве утопической модели реализации сексуальности, нежности и взаимности в гендерных отношениях, которой не хватает в реальной жизни, когда просмотр женщинами гомоэротики становится

«романом с собственной душой — за именем Другого» [4, с. 61]. Как отмечают М. Лилья и К. Вассхеде, многие исследователи приходят к выводу о том, что визуальное искусство BL дает женщинам возможность сопротивляться гегемонным нормам [16]. В интервью со шведскими женщинами-членами фан-пабликов яой цитируемые авторы обнаружили желание респонденток к преодолению социальных границ. Респондентки в интервью отмечают, что яой рассматривается ими как некоторого рода игра с гендером и сексуальностью, которая дает больше возможностей почувствовать себя и других людей в ином качестве, чем это есть в реальном мире. Они полагают, что яой в Японии выступает инструментом сопротивления патриархату и доминирующим определениям маскулинности. В Швеции яой, по мысли респонденток, расширяет границы гендера и спектр гендерных ролей.

Ш. Кинселла в исследовании популярности манги и ее гомоэротического субжанра среди девушек в Японии также приходит к выводу, что яой/BL — это бегство в иной мир, которое помогает молодым гетеросексуальным женщинам направлять порядок жизни, формировать свою идентичность и желания [14]. Полученные в нашем эмпирическом исследовании данные содержательно раскрывают и дополняют выводы других авторов о том, что потребление визуального искусства BL представляет собой альтернативную стратегию женской реализации в условиях институционализированной консервативной гендерной идеологии [9]. И тот факт, что в нашей выборке среди поклонниц BL значимо преобладают респондентки, имеющие опыт гетеросексуальных романтических отношений и отмечающие низкий уровень собственной религиозности и приверженности православию, которое в политическом дискурсе определяется в качестве значимой культурной «скрепы», как раз указывает на стратегию сопротив-

ления в утверждении девушками особого вида фемининности посредством своего увлечения.

Поскольку исследование затрагивает феномен публичной представленности мужской гомосексуальности и увлечение гомоэротическими комиксами со стороны гетеросексуальных девушек преимущественно старшего подросткового и юношеского возраста (основной аудитории субжанра BL), может возникнуть вопрос о влиянии такого увлечения на формирование сексуальности респонденток. Если говорить о возможных проявлениях сексуальности, то они могут затрагивать эмоциональные и социальные предпочтения девушек, которые увлекаются метажанром яой, в общении и взаимодействии с гомосексуальными мужчинами, т.е., вероятно, выражаться в большем уровне толерантности к проявлениям мужской гомосексуальности. Это еще требует эмпирической проверки. Социальные предпочтения и эмоциональная привлекательность гомосексуальных персонажей не имеют прямой связи с сексуальными предпочтениями. Сексуальность — это сложный паттерн отношений и социальных взаимодействий, в котором находится место и сексуальным, и эмоциональным, и социальным привязанностям. Девушки вполне могут быть гетеросексуальными в сексуальных предпочтениях и гомоэмоциональными, к примеру, в плане эмоциональных предпочтений (т.е. предпочитать эмоциональное общение с девушками, что совсем не предполагает сексуального взаимодействия) и гомосоциальными (т.е. их может больше привлекать социальное общение с лицами своего пола). В эту сложную систему отношений вполне вписывается и эмоциональное или социальное предпочтение гомосексуальных мужчин, что не отменяет гетеросексуальности на уровне сексуальных предпочтений. Данные нашего

исследования как раз подчеркивают то обстоятельство, что в сексуальном плане мужские гомосексуальные комиксы для любителей яой не интересны и сексуальная связь между мужскими персонажами оказывается на периферии внимания. А именно сексуальное возбуждение на изображения соответствующего свойства и сексуальные фантазии выступают маркерами сексуальных предпочтений. Причем фантазии достаточно часто никак не совпадают ни с реальной, ни с желаемой сексуальной активностью.

Можно было бы предполагать риски в отношении развития сексуальности у респондентов, в большинстве своем относящихся к старшему подростковому и юношескому возрасту, с точки зрения теории социального научения. Согласно концепции М. Стормса о выученной сексуальной ориентации, для формирования предпочтения каких-либо людей в качестве сексуальных партнеров необходимо сочетание следующих факторов: возникновение сексуального возбуждения на картинке, перенос этого возбуждения на реальных людей и последующая систематическая мастурбация и сексуальные фантазии на тему увиденных изображений и относительно реальных партнеров по общению [20]. Однако такие эффекты не были зафиксированы при диагностике респондентов в представленном здесь исследовании. Если в 1960-е годы считалось, что научение через наблюдение за моделью (в т.ч. символической) однозначно ведет к изменению поведенческих сценариев, то в настоящее время подобные утверждения стали более вероятностными, поскольку связь между наблюдаемой моделью и поведением опосредуется дополнительными психическими и средовыми факторами. Научение в современных версиях теории А. Бандуры чаще описывается уже в виде психологического вознаграждения,

возникающего в форме гордости, удовлетворения или чувства выполненного долга в результате наблюдения за символической моделью, которое далеко не обязательно переходит на уровень реальных действий (т.н. научение через наблюдение, но без подражания) [18]. Для подражания и последующего моделирования и закрепления сексуального сценария на основе наблюдаемых символических моделей мужских гомосексуальных отношений обязательно необходима внутренняя мотивация, которая связана с личностными характеристиками, биологическими и социальными потребностями, системой ценностных ориентаций индивида и другими элементами структуры личности.

Можно предполагать, что при определенных обстоятельствах у отдельных фанатов BL могут сформироваться эмоциональные и сексуальные предпочтения гомосексуальных мужчин. Однако будет ли это психологической проблемой, зависит не от самих предпочтений, а от характера складывающихся отношений с такими партнерами в каждом конкретном случае. Сексуальное предпочтение гетеросексуальной девушкой гомосексуального юноши представляет собой один из многих вариантов проявлений сексуальности на основе сочетания разных признаков: предпочтение худощавых мужчин плотным, предпочтение чернокожих мужчин белой женщиной, предпочтение лиц определенного возраста (значительно младше или старше) или даже на основании религиозных или политических убеждений и социального статуса (например, предпочтение О. Уайльдом матросов в качестве сексуальных партнеров).

Выполненное исследование не охватывает вариативности содержательной интерпретации всех возможных конфигураций конструкта фемининности в изучаемой группе. Перспективным направлением

ем дальнейшего изучения этого феномена является сегментация сообщества фанатов BL по ключевым признакам социальной категоризации (возраст, класс, расово-этнический признак) и дополнительным признакам, среди которых особенно важной с точки зрения выделения возможного спектра гендерных конструкций представляется сегментация по социально-культурным пространствам жизни респондентов (например, через призму различий городской культуры — мегаполиса, города среднего размера), а также определение кросс-культурных особенностей сообществ поклонниц метажанра BL.

Заключение

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что интерес гетеросексуальных девушек из российского сегмента популяции поклонниц метажанра BL базируется на возможности игрового осмысления собственной гендерной ненормативности, способности этого метажанра адекватно раскрывать индивидуально значимые смыслы и обеспечивать социальное подтверждение и

устойчивость новых гендерных практик. Сами же сообщества фанаток яой могут выполнять функцию производства новой социальной реальности, новой субъективности и новых гендерных практик. В этом отношении они становятся инструментом изменения и сопротивления доминирующему гендерному порядку. Насколько является эффективным этот инструмент, зависит, конечно же, от его связанности с другими социальными практиками, отношениями, политическим дискурсом и социальными иерархиями (класс, раса/этнос, возраст). Яой как культурный продукт в разных обстоятельствах может приводить его потребителей к занятию разных социальных позиций: активных борцов, пассивных мечтателей и т.д. Что совершенно определено, феномен увлечения яой обнаруживает тоску девушек с либеральными гендерными взглядами по новому образу гетеросексуальной маскулинности и дает возможность совладания с этой тоской в условиях господства неоконсервативной гендерной идеологии в относительно безопасной и отстраненной манере.

Литература

1. *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов: Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 336 с.
2. Гендерная психология. Практикум. 2-е изд. / Под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2009. С. 316—339.
3. *Исаев Д.Д.* Психологическое понимание и измерение пола: Учебное пособие. СПб.: Издание СПб ГПМУ, 2012. 63 с.
4. *Кононова Н.М.* Этика аниме: яой как стратегия субъекта желания // *Медиафилософия*. 2011. Т. 7. С. 59—70.
5. *Макклауд С.* Понимание комикса: Невидимое искусство: Пер. с англ. В. Шевченко. М.: Белое Яблоко, 2016. 216 с.
6. *Малви Л.* Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // *Антология гендерной теории* / Сост. и коммент. Е. Гапова, А. Усманова. Минск: Профили, 2000. С. 280—296.
7. *Мдивани М.О., Лидская Э.В.* Русскоязычная версия краткой шкалы гендерно-ролевых представлений (GRBS) // *Социальная психология и общество*. 2020. Том 11. № 3. С. 185—195. DOI:10.17759/sps.2020110312
8. *Новиков В.Г., Ковалева С.В.* Гиперреальность, симулякры и симуляции в виртуальном пространстве как феномен «Антисоциальной» теории Жана Бодрийера // *Цифровая социология*. 2019. Т. 2. № 1. С. 39—45. DOI:10.26425/2658-347X-2019-1-39-45

9. Рыгина Л.С. Визуальные практики легитимации не-нормативных удовольствий: анализ японской анимации // Феномен удовольствия в культуре. Материалы международного научного форума 6–9 апреля 2004 г. СПб.: Центр изучения культуры, 2004. С. 150–152.
10. Рябова Т.Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 245 с.
11. Хасьянов В.Б., Зайцев А.С. Субкультура аниме как культурно-информационный феномен (на примере деятельности молодежных объединений Иркутской области) // Научный диалог. 2014. № 11(35): Психология. Педагогика. С. 75–88.
12. Eco U. *Travels in Hyperreality: Essays*. Fort Washington, PA: Harvest Book, 1986. P. 30–31.
13. Kalin R., Tilby P.J. Development and validation of a sex role ideology scale // *Psychological Reports*. 1978. Vol. 42. Issue 3. P. 731–738. DOI:10.2466/pr0.1978.42.3.731
14. Kinsella S. Japanese Subculture in 1990s: Otaku and the Amateur Manga // *Journal of Japanese Studies*. 1998. Vol. 24. Issue 2. P. 289–316. DOI:10.2307/133236
15. Kustritz A. Slashing the Romance Narrative // *The Journal of American Culture*. 2003. Vol. 26. Issue 3. P. 371–384. DOI:10.1111/1542-734X.00098
16. Lilja M., Wasshede C. The Performative Force of Cultural Products: Subject Positions and Desires Emerging from Engagement with the Manga Boys' Love and Yaoi // *Culture Unbound*. 2016. Vol. 8. Issue 3. P. 284–305. DOI:10.3384/cu.2000.1525.1683384
17. Marcus G.A. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography // *Annual Review of Anthropology*. 1995. Vol. 24. P. 95–117. DOI:10.1146/annurev.an.24.100195.000523
18. Muro M., Jeffrey P. A critical review of the theory and application of social learning in participatory natural resource management processes // *Journal of Environmental Planning and Management*. Taylor & Francis Journals. 2008. Vol. 51. № 3. P. 325–344. DOI:10.1080/09640560801977190
19. Pleck J.H., Sonenstein F.L., Ku L.C. Attitudes toward male roles among adolescent males: A discriminant validity analysis // *Sex Roles*. 1994. Vol. 30. P. 481–501. DOI:10.1007/BF01420798
20. Storms M.D. A theory of erotic orientation development // *Psychological Review*. 1981. Vol. 88. № 4. P. 340–353. DOI:10.1037/0033-295X.88.4.340

References

1. Bem S.L. Linzy gendera: Transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov: Per. s angl. [The lenses of gender: Transforming the Debate on Sexual Inequality]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004. 336 p. (In Russ.).
2. Gendernaya psikhologiya. Praktikum. 2 izd. [Gender psychology. Workshop. 2-d ed.]. I.S. Klyotsina (ed.). Saint-Petersburg: Piter, 2009, pp. 316–339. (In Russ.).
3. Isaev D.D. Psikhologicheskoe ponimanie i izmerenie pola: Uchebnoe posobie [Psychological interpretation and assessment of gender: Tutorial]. Saint-Petersburg: State Pediatric Medical University Publ., 2012. 63 p. (In Russ.).
4. Kononova N.M. Etika anime: yaoi kak strategiya subjekta zhelania [Ethic of anime: yaoi as the subject of desire strategy]. *Mediasfera*, 2011. Vol. 7, pp. 59–70. (In Russ.).
5. McCloud S. Ponimanie komiksa: Nevidimoe iskusstvo: Per. s angl. V. Shevchenko [Understanding Comics: The Invisible]. Moscow: Beloe Yabloko, 2016. 216 p. (In Russ.).
6. Mulvey L. Vizual'noe udovol'stvie i narrativnyi kinematograf [Visual Pleasure and Narrative Cinema]. In E. Gapova, A. Usmanova (anthologists and comments). *Antologiya gendernoi teorii* [Anthology of gender theory]. Minsk: Propilei, 2000, pp. 280–296. (In Russ.).
7. Mdivani M.O., Lidskaya E.V. Russkoyazychnaya versiya kratkoi shkaly genderno-rolevykh predstavlenii (GRBS) [The Russian Version of the Short Gender Role Beliefs Scale (GRBS)]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 185–195. DOI:10.17759/sps.2020110312 (In Russ.).

8. Novikov V.G., Kovaleva S.V. Giperreal'nost', simulyakry i simulyatsii v virtual'nom prostranstve kak fenomen «Antisotsial'noi» teorii Zhana Bodriiara [Hyperreality, simulacra, and simulations in virtual space as a phenomenon of “antisocial” theory by Jean Baudrillard]. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital sociology*, 2019. Vol. 2, no. 1, pp. 39–45. DOI:10.26425/2658-347X-2019-1-39-45 (In Russ.).
9. Rygina L.S. Vizual'nye praktiki legitimatsii ne-normativnykh udovolsviiy: analiz yaponskikoy animatsii [Visual legitimation practices of non-normative pleasures: analysis of Japanese animation]. *Fenomen udovol'stviya v culture. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo foruma 6–9 aprelya 2004 [Phenomenon of pleasure in culture. Proceedings of international forum April 6–9, 2004]*. Saint-Petersburg: Centre of culture studies, 2004, pp. 150–152. (In Russ.).
10. Riabova T.B. Pol vlasti: gendernye stereotipy v sovremennoy rossiyskoy politike [Gender of power: gender stereotypes in contemporary Russian politics]. Ivanovo: Ivanovo State Univ., 2008. 245 p. (In Russ.).
11. Khasyanov V.B., Zaytsev A.S. Subkul'tura anime kak kul'turno-informatsionnyi fenomen (na primere deyatel'nosti molodezhnykh ob"edinenii Irkutskoi oblasti) [Subculture anime as cultural-informational phenomenon (by the case of youth networks activity in Irkutskaya oblast)]. *Nauchnyi dialog = Academic dialog*, 2014, no. 11(35): Psychology. Educational Sciences, pp. 75–88. (In Russ.).
12. Eco U. *Travels in Hyperreality: Essays*. Fort Washington, PA: Harvest Book, 1986, pp. 30–31.
13. Kalin R., Tilby P.J. Development and validation of a sex role ideology scale. *Psychological Reports*, 1978. Vol. 42, issue 3, pp. 731–738. DOI:10.2466/pr0.1978.42.3.731
14. Kinsella S. Japanese Subculture in 1990s: Otaku and the Amateur Manga. *Journal of Japanese Studies*, 1998. Vol. 24, issue 2, pp. 289–316. DOI:10.2307/133236
15. Kustritz A. Slashing the Romance Narrative. *The Journal of American Culture*, 2003. Vol. 26, issue 3, pp. 371–384. DOI:10.1111/1542-734X.00098
16. Lilja M., Wasshede C. The Performative Force of Cultural Products: Subject Positions and Desires Emerging from Engagement with the Manga Boys' Love and Yaoi. *Culture Unbound*, 2016. Vol. 8, issue 3, pp. 284–305. DOI:10.3384/cu.2000.1525.1683384
17. Marcus G.A. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology*, 1995. Vol. 24, pp. 95–117. DOI:10.1146/annurev.an.24.100195.000523
18. Muro M., Jeffrey P. A critical review of the theory and application of social learning in participatory natural resource management processes. *Journal of Environmental Planning and Management. Taylor & Francis Journals*, 2008. Vol. 51, no. 3, pp. 325–344. DOI:10.1080/09640560801977190
19. Pleck J.H., Sonenstein F.L., Ku L.C. Attitudes toward male roles among adolescent males: A discriminant validity analysis. *Sex Roles*, 1994. Vol. 30, pp. 481–501. DOI:10.1007/BF01420798
20. Storms M.D. A theory of erotic orientation development. *Psychological Review*, 1981. Vol. 88, no. 4, pp. 340–353. DOI:10.1037/0033-295X.88.4.340

Информация об авторах

Воронцов Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии, Академия психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7725-8929>, e-mail: dmvorontsov@sfedu.ru

Information about the authors

Dmitry V. Vorontsov, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of Social Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal State University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7725-8929>, e-mail: dmvorontsov@sfedu.ru

Получена 20.03.2022

Received 20.03.2022

Принята в печать 18.10.2022

Accepted 18.10.2022